

Фото ИТАР-ТАСС/fotoimedia/Динара Девлет-Кильдеева.

Люди и лошади

Елена Елецких,

журналист,
тренер лошадей,
Москва

*Я снял узду, седло — и вольно
Она метнулась от меня,
А я склонился богомольно
Пред солнцем гаснущего дня.
Она взмахнула лёгкой гривой
И, ноздри к ветру обратив,
С тоскою нежной и счастливой
Кому-то страстный шлёт призыв.
Едины божи созданья,
Благословен создавший их
И совместивший все желанья
И все томления — в моих.*

И. Бунин, Кобылица. 03.02.1916 г.

Однажды меня попросили написать про лошадей — какими они были и, главное, кем они были для наших предков-славян. Про дружбу, которая была между лошадью и человеком, и про лошадиное счастье.

Я не знаю славян, ничего, шире школьного курса истории. Начав работать над темой, я изумилась тому, что, оказывается, очень серьёзные граждане из исторических институтов тоже знают о славянах совсем немного. Конечно, изумление моё было напрасным: даже сегодня у нас всё ещё слишком мало технологий, чтобы заставить заговорить пепел многовековой давности. А не секрет, что бородатые дядечки с большими крестами, которых приволок на Русь распутный «сын рабыни», братоубийца Владимир Святославович, очень тщательно жгли всё, что имело хоть какое-то отношение к конкурирующим богам, и за тысячу лет выжгли даже память о славянах. Остался только пепел — за этой публикой всегда остаётся только он.

А пепел, повторяюсь, вообще очень молчалив. Выведать у него что-либо очень сложно.

Но я люблю и немного знаю лошадей — их привычки, их потребности, их хрупкость, те условия, в которых эта хрупкость не так рано и не так стремительно калечит и убивает. И для небольшого исследования, вовсе не претендующего на глубокий академизм, мне кажется, этого хватит.

Арабская путаница

Многое можно было бы ещё сказать об этом народе, достойном похвалы за свои нравы.
Гельмольд о славянах

Итак, о славянах нам рассказывают в первую очередь иностранцы. Правда, даже очень авторитетные и учёные арабы во всём, что касается лошадиной темы, ужасно путаются в показаниях.

«У славян мало вьючного скота, лошадей...» — пишет теоретик Ибн — вторит ему Зайн Ал Ахбар (этот, по-честному, сам ездил по славянским землям). «Рабочего скота у них мало, даже быков, а верховых лошадей имеет только один упомянутый человек (т. е. великий князь)» — добавляет большой авторитет, автор «Эль-Алак Эн-Нафиса» Абу Али Ахмед бен Омар ибн Даста. Впрочем дальше большой авторитет уточняет, что великий князь «питается исключительно кобыльим молоком», что, согласитесь, вроде бы ставит авторитетность всего пассажира под сомнение, особенно учитывая, что почтенный учёный муж сам славян в глаза не видел.

Другая сторона (Аль-Бекри) сообщает, что «в городе Браге делают седла и узды и щиты, применяемые и употре-

бляемые в их странах», и вообще пишет о земле славян как о стране «с низкими ценами на хлеб, богатой лошадьми». «Славянский же плуг означает двух волов и столько же лошадей», — уточняет Гельмольд, на сей раз монах и немец.

Etcetera в том же духе ещё не менее пятнадцати источников.

Достоверно отсюда следует одно — что лошади у славян всё-таки были, возили князей и даже, поди ж ты, таскали плуг.

Ну, а что нам это даёт? А ничего, в общем-то, кроме одной маленькой детали, которая пригодится позднее: в своей основе, в том, на чём строились отношения между видами homo и equus на территориях восточных славян никакого особого, никакого невероятного качественного отличия, по сравнению с теми отношениями, что складывались на территории будущих франций, англий, голландий и польш, не было. Но об этом — позже.

Кобыляча голова

*Приїхала, загриміла,
Кобылячамов голова...*

И. Котрялевский

Кобыляча, или кобылячья, голова, цитирую, это «чрезвычайно архаичный фетиш, скорей всего, тотемистического

Люди и лошади

происхождения. *Культ коня и конского черепа, в котором якобы воплощён могущественный дух, играл существенную роль в первобытных обрядах различных народов.*

Конечно, монотеисты-арабы в таких нюансах не разбирались и писать о них не хотели, а меж тем место лошади вообще и «кобылячьей головы», в частности, среди того, что составляло основу славянского мировоззрения, было внушительным.

Откуда мы это знаем? Из сказок, конечно.

До тех пор, пока сказки не были кастрированы и сосланы в детскую, они служили чуть ли не единственным продравшимся через христианство хранилищем мировоззрения, криптограммой понимания того места, которое занимали те или иные явления в системе,

разработанной славянскими язычниками. Правда, алгоритмы вытаскивания из череды жутких и не всегда понятных образов истинного смысла — надо было ещё раскрыть.

Вот, например. Почему страшная Баба Яга даёт доброй, но храброй падчерице череп, у которого *«глаза так и глядят, так и жгут»*. Череп — в этой сказке — уже человеческий. Но стоит копнуть чуть раньше, и вместо обычного символа победы над врагом мы обнаружим именно кобылий череп, тот самый *могущественный дух*. Здесь *«кобылячья голова»* выступает в роли атрибута очень мощного персонажа — архетипического стража, стоящего на границе миров, который сам является носителем волшебной силы, обеспечивающей победу протагониста над силами местного зла, буквально сжигая их *«в уголь»*.

Атрибут, как видим, весьма деятелен. Но это уже всего лишь атрибут. Как некий абстрактный «добрый конь» у Ильи-Муромца, как лошади любых других героев.

Нужно ли на основе этого принять чисто атрибутивную роль лошади в системе «неведомых сил» языческого мировоззрения?

Или в имеющемся сказочном пространстве стоит сдвинуться чуть южнее, чтобы здесь, в украинской истории про бедную падчерицу, увидеть, как от Бабы Яги не останется и следа, а вот кобылий череп сохранится — уже самостоятельно в роли... всё той же колдуньи и пограничной стражницы, испытывающей, а потом защищающей протагонистку. Но это как бы в свободное от работы время. А на основном месте — всё так же, охраняющей

или, по ситуации, открывающей дверь между мирами.

И это не единичный пример.

DeusPsychopompus, или ни слова о вещем Олеге

Сивка-бурка, вещая каурка...
Из очень многих сказок

«В самом отдалённом конце океана, на страшной глубине таится Вадавамукха, поглощающая воды; это вселенский огонь, который вырвется наружу».

Вырвется, всё уничтожит и начнёт «час кончины мира». А Вадавамукха, кстати, — не что иное, как всё та же «кобылячья голова», только в орфографическом варианте «Махабхараты».

«Я воздвигаю здесь эту жердь и посылаю проклятие конунгу Эйрику

и его жене Гуннхильд, я посылаю проклятие духам, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли себе покоя, пока они не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд из Норвегии».

А на жерди добрый человек Эдиль, возгласивший это прекрасное пожелание, держит всё ту же кобылячью голову, то бишь — лошадиный череп, аккумулярующий и направляющий (Эдиль, кстати, по тексту, шибко вращает жердиной с костями) разрушительную энергию своего заклинания.

Это самые территориально близкие, но вовсе не самые яркие примеры — достаточно вспомнить Эпону, покровительницу лошадей, которая по совместительству... конечно, водила души в загробный мир. Нетрудно понять, что эту функцию она «унаследовала» от лошадей, а сама по себе появилась намного позже. «Кони» шаманов, занимающиеся той же работой, безголовые кони восточных магических сообществ, — все они могли мощным движением крупа сдвинуть легконогого Гермеса с его устрашающего пьедестала с надписью DeusPsychopompus — бог-проводник душ.

Но страж, как известно, — он не только открыватель, он ещё и закрыватель. Некий гарант, что ушедшая душа не вернётся ненароком в дом к внукам, и что тот, кому ещё жить, не проскользнёт во мрак преисподней. И если о мстительно-запугивательных функциях коня-стражника мы узнаём только из сказок, то охранные видим чаще, чем можем предположить. Конёк крыши — лексический наследник изображения, а ещё раньше — самого конского черепа, который укрепляли таким образом, чтобы оградить дом от беды. Чтобы попросить психопомпа¹ не отворять лишний раз запёртых ворот подземного царства.

Ошибка Фазтона

Фазтон — в мифах древних греков сын бога солнца Гелиоса
Исторический словарь.

Впрочем к кому больше относится лошадь — к Чернобогу (и дальше до Стрибога и к его буйным внукам) или к Белобогу (и дальше до Перуна и Ярилы) — неясно. Ведь второе «классическое» символическое определение лошади — это солярность. Таковыми лошади почитались у массагетов, персов, иудеев, индоариев, спартанцев и т.д.

¹ Психопомп (греч. ψυχοπομπός — «проводник душ») — проводник в иной мир.

Люди и лошади

На четвёрке золотых коней разъезжал по греческим небесам Гелиос-Солнце. И, кстати, не он один — многие его иностранные коллеги занимались тем же самым. Кони послушно волокли небесную колесницу, а солнценосный бог дарил жизнь земле.

Однажды — хорошо известный случай — некто Фазтон, заполучив солнечную колесницу, не справился с управлением, отчего реки закипели, а леса загорелись. Зевс, как это принято у серьёзных богов, жестоко покарал юношу, упряжку с тележкой вернули, а Фазтоновы сёстры от переживаний превратились в тополя.

Однако подпалённая общественность не обратила внимания на тот факт, что возгорания земель состоялись *в отсутствие самого Гелиоса*. Со всем прекрасно справились огнедышащие лошади.

И здесь мы снова возвращаемся к той типовой ситуации, когда неантропоморфное существо постепенно теряет свою волшебную, хоть и устрашающую самостоятельность, и превращается в атрибут антропоморфного бога (в постфазтоновый период функцию нагрева с лошадей сняли и передали Аполлону и его атрибутке). Так неужели в представлении древних лошади *сама по себе* несла такую несомненную, хоть и двоякую силу?

Горгона: и в хвост и в гриву

*Кобылица молодая, очью бешено
сверкая...*
П. Ершов

И ещё чуть-чуть Греции. Легендарная Аттика. Чудесные воды источника Пирена. Беллерофонт, уже прославленный совратитель жён и победитель дев, с волшебной уздечкой караулит в кустах. К водопою подходит Пегас...

История Пегаса, Беллерофонта и безмерной Беллерофонтовой глупости — тоже не тайна. Как и события, происходившие несколько раньше на некоем острове, облюбованном семейством необычных сестёр. Любопытно другое — Пегас, сын Посейдона, но ещё и сын Медузы, хтонического монстра, огнедышащего и наделённого гривой густых, сплетающихся в змеи, волос.

Медузы, которую победил драконоборец Персей, чтобы из её тела вышел прекрасный Пегас — большой любитель летать по небу и высекать из земли источники ударом копыта.

Медузы, которая до того, как стать однозначным и антропоморфным монстром, была — ну вы уже догадались,

Конно-спортивный клуб. Фото ИТАР-ТАСС/Валерий Морев.

да? — огнедышащей кобылицей, возлюбленной «морского коня», Посейдона. Её самый древний облик и по сей день можно рассмотреть в статуе, найденной близ аркадской Фигалии. Долгое время её почитали как чёрную Деметру. Но потом определили как скульптурный портрет той из сестёр горгон, что носила имя Медузы. То есть, в общем-то, греческой сестрицы знаменитой кобылицы, породившей Конька-Горбунка.

Доместификация²

*Взял я кобылку жеребчиком,
Жеребчиком взял с-под матушки...*

Былина о Микуле Селяниновиче.

Цитируется по Проппу

Очевидно, что в истории с Медузой запечатлён действительно имевший место, хотя не такой стремительный и уж точно не такой блистательный, процесс доместификации диких лошадей. Конечно, приручить, то есть каким-то образом вовлечь в исполнение нужной человеку работы, можно было только очень юную лошадь, жеребёнка. А чтобы заполучить жеребёнка, необходимо было в первую очередь убить кобылу. Пегас — цена крови его гривастой и непокорной матери.

Получается достаточно чёткий образ лошади как подателя известных благ, но вместе с тем существа неукротимого в своей силе и мощи, чертовски опасного и очень непредсказуемого. Лошадь несла смерть — ударом копыта, резким движением головы, даже дружелюбно-приветливым вымахом передней ноги в игре. Травмы «от лошади» уходят во времена долетописные, это всегда было рядом. Но лошадь давала и возможность выжить — добраться до нужного места, убежать от хищника, привезти на зиму дров и, привет соларности, пережить морозы. Табуны диких лошадей по масштабам бедствия считались опаснее медведей, но если приручение медведя было скорее делом одиночной дерзости или глупости, то в лошади люди очень нуждались. Без коня было никак — ни помереть, ни вспахать поле. Но и прирученная лошадь, как прирученный огонь, всегда оставалась достаточно большой зоной риска, что, кстати, постоянно подпитывалось двумя мощными источниками — во-первых, тюркскими бунчуками с лошадиной головой, во-вторых, прямым и регулярным ударом копытом в лоб, грудь и пах. Вот такой дуализм.

Не знаю, до какой степени можно проводить параллели между горбами и крыльями, между Иваном-дураком и Гишпонием-Беллерофонтом, между уздечкой Афины и той ковбойщиной, что

² Доместификация (от лат. domesticus — домашний) — одомашнивание.

Люди и лошади

была учинена над ершовской кобылицей. Хотя изоглосса³ — не непреодолимая стена, славяне прошли несколько другой путь.

Но горгонейоны в Древней Руси всё-таки люди носили.

И жёны, и кони

*И сожигают также своих лошадей.
И у них обычаи подобные обычаям
Индийцев.*

Ал-Бекри о русах.
Ал-Бекри. Известия о Руси и славянах

Можем ли мы найти какое-то мате-

риальное подтверждение данным о коне как боже-психопомпе и солярной креатуре? Можем. Если всё будет неплохо с погодой, лопатами и разрешением на раскопки.

Оказывается, почтенный и знатный человек, будучи в час смерти владельцем коня, имел хороший шанс на этом коне въехать в тот самый подземный мир, конём же и охраняемый. Правда, коня для этих целей полагалось убить.

Если внимательно проанализировать скифские захоронения, можно сделать известные выводы о частоте и регулярности подобных конных сопровождений — удары умерщвляемому коню наносились с поистине профессиональной ловкостью. Не знаю, везло ли так же жёнам и возлюбленным умершего, либо они возносились в божественном пламени полностью осознавая происходящее. Во всяком случае, у Ибн Фадлана были основания сказать: *«Знахари у русов занимают привилегированное положение, они имеют власть даже над царём; в качестве жертвы богу русы убивают женщин, мужчин и лошадей. Знахарь указывает, кого следует принести в жертву и самолично вешает того на дереве»*.

Арабы, конечно, могут ошибаться. Скифские могильники — нет.

Правда, отдадим должное — на тех лошадях, что посвящались богам и жили при храмах, ездить запрещалось. И содержались они в лучшем виде. Но в соответствии с тогдашними представлениями.

Богатыри и любовь

*Я люблю мою свою лошадку:
Причешу ей шерстку гладко,
Гребешком приглажу хвостик
И верхом поеду в гости!*

Агния Барто

Да уж. Старые, а особенно древние стихи — в смысле откровенности похожи на ребёнка, который вернувшемуся папе взахлёб рассказывает, с каким весёлым дядей мама играла тут в лошадку, пока его не было.

Открываем любую достаточно старую былинку. Причём давайте будем честны — возьмём только те, где автор ставит задачей описать именно хорошее отношение к лошади. Читаем:

*Он поил его свежей всё ключевой водой,
Как ведь он кормил пшеницей белояровой,
Он водил его да по ночам в луга,
Он катал его всё во трёх росах...*

³ Изоглосса (от изо и греч. glóssa — язык, речь) — линия на карте, обозначающая в лингвистической географии границы распространения какого-либо языкового явления (фонетического, морфологического, синтаксического, лексического и др.). БСЭ.

Рождественские колядки. Фото ИТАР-ТАСС/Леонид Щеглов.

Это Илья Муромец. Даже если не идти дальше — *пшеницы белояровой* за глаза хватит, чтобы организовать лошади такие проблемы с ЖКТ, после которых ни в каких росах не откатаешь. Но кормление пшеницей по степени популярности среди русских богатырей можно сравнить только с кормлением отрубями среди русских покатушников.

*«Расседлывал коня тут, разуздывал,
А насыпал пшены белояровой...»*

*«Медвяной сытою пои
Сорочинским пшеном корми...»*

*«Кормил коня пшенной белояровой,
И поил изварю медвяною...»*

*«Насыпал коню пшены белояровой,
И накрошил ему калачиков крутичатых...»*

Пшеной кормят: Михайло Потек, Добрыня Никитич, Иван Гостиный Сын и даже богатырь с удивительным именем Хотен Блудович. То есть это не единственный случай, тяжёлое последствие удара да по шелому в поединке со злым воро-

гом. Это — пшена, патока и неведомые калачики — менеджментарная норма, причём достаточно высокого класса.

В какой-то момент диетический переворот всё же случился, и пшеницу сменили на овёс. Но и здесь крАя не знали ещё много лет, и даже Александр «наше всё» Пушкин на голубом глазу упрекал коня в печальности, совершенно, на взгляд поэта, неоправданной: *«Разве я тебя не холил, не давал овса я волю?»*... Того самого овса, который даже в самых тёмных конезаводах современности прячут в семь ларей, чтобы не дай бог не добралась лошадь и не наелась «волю».

Всё, что касается конейпользования, конечно, совсем грустно.

*«Закупил я соли ровно три меха,
В котором же меху было по сту пуд,
Этой соли будет ровно триста пуд.
Положил я на кобылу е на соловую,
Да сам-то молодец сядился ровно
сорок пуд...»*

Это Никита Селянинович, 640-килограммовый ипполог из русских былин. Понятно, что и вес «рассказчика», и масштабыдобычисоли сильно преувеличены.

Важно другое: вот такая очевидная перегрузка лошади — той самой лошади, которая не сконструирована эволюцией даже для перенесения собственных детёнышей, той самой лошади, которая за редким исключением не будет по собственной воле поднимать ничего, тяжелее футбольного мяча — естественно воспринимается как признак доблести и ловкости нагрузившего.

*«Да эй ты, волчья сыть, травяной мешок!
А что же ржёшь ты да копьём-то мнёшь,
А вот тую во матушку сыру землю.
Тревожишь ты русский богатыря?..»*

*«Оратаюшка да на кобылку,
На кобылку да покрикивает...»
«А как разъярилось его сердце богатырское,
А стегал он добра коня
да по крутым бёдрам;*

Люди и лошади

*Как поскачит его конь во всюту прыть
да лошадиную,
А как скакал с прыти его добрый конь
да через стену городовую...»*
И так далее.

Богатыри и любовь

*Увидишь кобылий череп — и тот
взнуздай.
Пословица*

В целом, вообще все путешествия русских богатырей до такой степени обильны слезаниями и залезаниями на лошадей, что возникают искренние сомнения в привлекательности тех девиц, в чьи светёлки богатыри заскакивали в промежутках между залезательными подвигами.

Но шутки в сторону. Если в деле кормления вопрос был действительно только в некомпетентности, то цену «работы» поняли очень рано. Мать некой Марины — девушки, к которой сватается богатырь Добрыня, грозитя превратить дочь в водовозную кобылу, на которой (sic!):

*Весь город будет возить воду,
На гору кнутом погонять,
А под гору тебе губы рвать.*

Выходит, что ни естественное сопротивление лошади переноске тяжестей, ни болевое воздействие удил секретом не были. Одного этого трёхстишия хватило бы для обвинительного приговора. Взнуздывание с последующими. И это при том, что я ни слова не сказала про то, что анатомия и физиология лошади не оставляют ни малейшего шанса остаться здоровой при систематическом долговременном несении любых верховых нагрузок. Это видно по скифским могильникам, это видно по современным нам лошадям.

Понятно, что человек при этом мог вполне неплохо относиться к лошади, хвалиться ею перед друзьями, лечить, когда болела, искать ей сена получше, искренне переживать за неё. Понятно, что история пестрит умилёнными рассказами о скупых мужских слезах, пролитых над лошадьми — убитыми на войне, павшими в сохе, захлебнувшимися в лёгочных кровотечениях на марше, сгнивших и сгоревших в худых сараях, умерших от всех тех заболеваний, которые тактично называются ятерогенными, а по сути, являются убийством по халатности. Понятно, что лошадям эти слёзы ещё много веков ничего хорошего дать не могли.

Иппотерапия для детей с ограниченными возможностями. Фото ИТАР-ТАСС/Игорь Стомахин.

Слёзы не отменяют того факта, что лошадь надо было хватать, взнуздывать, «заезжать» в телегу или «ставить» под седло. Что лошадь, не желающую принимать такие условия, надо было сначала уговаривать, потом пугать, потом бить, а потом, если и это не поможет — кастрировать или съедать. Человек не очень изменился за прошедшие пару тысячелетий — мы вполне можем изучать привычки более древних приматов по поведению сегодняшних.

Это факты. Теперь вопрос за трактовкой.

Лошадиное счастье

Бить не следует вовсе — ни поначалу, ни в середине, ни в конце а самое большое неудобство ей доставляет узда.

Из наставления А. де Плювиеля Людовику XIII

Я не знаю, были ли лошади друзьями славянским людям. Не знаю, были ли лошади счастливы рядом с ними. Во всяком случае, письменных свидетельств о том, что она прожила долгую и счастливую жизнь, ни одна лошадь не оставила (уж это-то арабы заметили и утащили под расшитые шелка своих шатров).

Так что это вопрос к тем, кто умеет говорить с животными, понимать их мысли и чувства, к тем тонким и странным силам, с которыми работают маги и от которых получают свои знания. Пусть они скажут, была ли счастлива лошадь?

Любой физиолог, перечисли мы ему те факты, которых — чуть — набрала я, скажет, что лошадь была очевидно больной, очевидно испытывающей практически постоянный, с годами нарастающий дискомфорт.

Любой ипполог скажет, что лошадь жила в чудовищных, абсолютно ненадлежащих условиях.

Как всякое вполне физиологичное существо, славянская лошадь испытывала боль, когда с трудом переставляла по разбитым дорогам разбитые ноги, волкла тяжёлую телегу, с удовольствием удовлетворяла аппетит, когда оказывалась по запястьям в зелёной траве, и снова испытывала боль, когда после этого валялась с ног от ламинита. Охотой брала с руки яблоки и безуспешно пыталась избавиться от мундштуков и трензелей, становилась круглее и спокойнее у хорошего хозяина, раньше срока умирала у плохого. Это было нормой её бытия, противоестественной, но непреодолимой.

Того, что может и должна получить лошадь сегодня, у неё не было и быть не могло, и, к счастью, она не знала об

этом: говорят, иметь и потерять хуже, чем вовсе не получить.

Поэтому говорить, что лошадь была несчастна, так как не знала преимуществ отапливаемых конюшен и экструдированного овса, так же странно, как сокрушаться о злой судьбе какого-нибудь полянина или русича, потому что тот никогда не был в «Макдональдсе» и не сидел в гидромассажной ванне. Подумаешь, какое счастье...

Но и сказать, что лошадь у славянина была счастлива, я тоже не могу. Мне не позволяют лукавые смуглые арабы, с их «княжыми верховыми» и «славянским плугом».

Не позволяют самые общие представления о том, как вообще был устроен быт славян, какие имелись в их распоряжении возможности и какими устремлениями наполнялся их день.

Люди и лошади

О дружбе и времени

*Tempora mutantur et nos mutamur
in illis.*

Латинская пословица

Но я не выношу приговора тем, кто тогда был рядом с лошадыю.

Это было — технически — чертовски сложное время. Время, где на заботу о лошади, где на создание размеренного, спокойного, до мелочей выверенного быта просто не было ни сил, ни нужды. Ни, разумеется, знаний: за тысячи километров от русел Дона и Днепра, от славянских крепостей и городов, трибун император и «Отец Отечества» Гай Кесарь Германик, прозванный Калигулой, мог назначить своего коня сенатором и выделить ему огромный дворец, с мраморными бассейнами, коврами и наложницами, но и он, как бы ни был романтичен, ни черта не знал о том, что же действительно нужно его любимому Инцитатусу.

Что уж говорить о тех, кого калигулы потомки со смешанным чувством презрения и уважительного страха называли «варварами».

Поэтому если спросить, была ли лошадь другом для человека тех лет — я скажу: о да, конечно, была. Только это было время с совсем другим представлением о том, что допустимо по отношению к ближнему, а что не очень. С другим видением смерти, заботы, порядочности и дружбы.

Княгиня Ольга, чтобы отомстить за мужа, сожгла город — со всеми жителями, собаками, постройками, посудой, мехами, лавками, суровыми идолами и орущими детьми. И это не шокировало общественность.

Святополк убил трёх братьев, двое из которых ещё не переступили традиционного порога зрелости. И это тоже не шокировало общественность.

По соседству печенежский хан Курия пил вино из чаши, сделанной из черепа Святослава, а татарин Бердибек в качестве предвыборной компании порезал всех братьев, а заодно и отца, и два года счастливо правил совершенно не шокированной общественностью, пока кто-то ещё более успешный не порезал самого Бердибека.

Нет, тогда не лилось больше крови — просто на это веселее смотрели. И в этом потоке проливаемой крови ханов, князей, княжых братьев, княжых жён, княжых советников и холопов лошадиная кровь, конечно, не могла вызвать какого-то особого гнева

Реконструкция дворянской охоты XIX века. Фото ИТАР-ТАСС/Владимир Астапкович.

и сопротивления. Обидевшему врагу надо было отомстить, разошедшемуся ребёнку дать по уху, а подыгравшей лошади влупить хвостом. Вообще говоря, отношения мало чем отличающиеся от таковых внутри чисто лошадиного сообщества, где, как известно, авторитарщина царит та ещё, не подступишься.

И во всём, что касается лошади, я вижу очень искренние и сильные проявления основ, которые составляли мировоззрение и быт тех лет. Где самый высокий священный статус не давал ничего, кроме повышенной вероятности отправиться под священный же нож. Где поклонение выражалось в запирании в храмовую конюшню, а дружба — в предложении разделить все тяготы друг друга. И лошадь разделяла — вынуждена была — всё: и трудный быт, и весёлый удалой, яростный нрав, и последствия запутанной системы ценностей. Она тащила на себе человека, тащила в его удивительное «цивилизованное» будущее, и если дорога становилась особенно крута и неудобна, человек рядом впрягался сам. Если не хватало и этого, они вместе падали в грязь, и по ним, то метафорически, то буквально, ехали колеса других, более успешных телег.

Стоило ли наше «цивилизованное будущее» таких усилий — пусть разбирается кто-то, настроенный более фило-

софично. Мне бы лишь хотелось, чтобы сегодня, когда нам, людям, слава богам, есть на чём покататься, в дальнейшую цивилизованность мы шли не НА лошади, а РЯДОМ с ней. Её удивительный интеллект, её подкупающая прямота и искренность сегодня могут дать даже больше, чем сила её мышц давала в течение двух-трёх тысячелетий.

Но моя работа — не пророчествовать и не выносить приговор, а только понять, кем была лошадь для славянина, и при этом не позабыть учитывать контекст времени. Надеюсь, я её выполнила.

Текст написан для сайта Межрегионального общественного фонда историко-культурной реконструкции. Метод доступа: www.mofikr.com.